Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-159-163

ПЕЧЕРСКАЯ Анастасия Юрьевна,
Студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: cherry_stu@mail.ru

СТУЧЕНКОВА Олеся Сергеевна,
Студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: Olesa.stu@gmail.com

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И DIGITAL ART: ВЫЗОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Расширение цифровых практик производства и распространения визуального контента привело к формированию обширного сегмента digital art, отличающегося нестабильной материальностью и высокой степенью технологической зависимости. Традиционные механизмы охраны интеллектуальной собственности, ориентированные на материальные носители и чёткие границы авторства, вступают в противоречие с цифровой средой, где произведение может существовать только в виде кода, алгоритма или сетевого процесса. В работе рассматриваются особенности формообразования цифровых объектов, проблемы квалификации авторства в условиях алгоритмического участия, а также трудности защиты прав при децентрализованном распространении цифровых артефактов. Анализ показывает, что существующие правовые конструкции нуждаются в пересмотре, поскольку они не учитывают гибридный характер digital art и его зависимость от инфраструктуры цифровых платформ.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, digital art, авторское право, цифровая среда, алгоритмическое творчество.*

PECHERSKAYA Anastasia Yurievna,
2nd year Master's student Financial University
under the Government of the Russian Federation Moscow

STUCHENKOVA Olesya Sergeevna,
2nd year Master's student Financial University
under the Government of the Russian Federation Moscow

TRADITIONAL INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS AND DIGITAL ART: CHALLENGES OF RIGHTS PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The expansion of digital practices in producing and distributing visual content has generated a distinct field of digital art characterized by unstable materiality and a high degree of technological dependence. Traditional mechanisms of intellectual property protection, which rely on material carriers and clearly defined authorship, conflict with the digital environment where an artwork may exist solely as code, an algorithm, or a network process. The paper examines the structural features of digital objects, the problem of*

authorship qualification under algorithmic participation, and the difficulties of protecting rights in decentralized systems of distribution. The analysis demonstrates the need to revise existing legal frameworks, which insufficiently account for the hybrid nature of digital art and its dependence on digital platforms.

Key words: *intellectual property, digital art, copyright, digital environment, algorithmic creativity.*

Появление цифровых технологий создало условия для формирования нового типа художественных объектов, структура которых отличается от привычных произведений изобразительного искусства. В отличие от материальных форматов, цифровые произведения существуют в виде данных, поддающихся модификации, копированию и автоматизированному преобразованию. Это смещает фокус правовой охраны с объекта как материальной вещи на объект как информационную конструкцию, функционирующую внутри определённой технологической среды.

Традиционные категории интеллектуальной собственности строятся на предположении о наличии стабильного произведения, обладающего конкретным автором и фиксированными границами использования. В цифровых практиках эти признаки оказываются нестабильными. Произведение может включать элементы, созданные с участием алгоритмов, внешних библиотек данных или программных модулей, что затрудняет определение долей творческого вклада. Особенно заметно это в генеративных системах, где итоговый визуальный результат зависит от параметров, случайности и обучающих массивов, а не только от единоличного решения автора.

Нарушение привычного соотношения между автором и произведением приводит к пересмотру ключевых понятий. Если в классических правовых моделях автор обладает исключительными правами на произведение с момента его создания, то в цифровой среде момент «создания» становится расплывчатым. Произведение может существовать как множество вариантов, генерируемых системой по запросу, а исходный файл выступает не конечным продуктом, а матрицей для потенциально бесконечного ряда визуальных форм.

Отдельную сложность представляет отсутствие материальности. Юридическая практика долгое время опиралась на различение оригинала и экземпляра произведения, что позволяло оценивать его оборот и способы отчуждения. Цифровой объект не имеет признаков уникальности, если она не создаётся искусственно — например, через применение NFT-токена или особой системы метаданных. Без таких инструментов произведение легко воспроизводится неограниченное число раз, что затрудняет контроль за оборотом и делает традиционные механизмы распределения прав малоприменимыми.

Кроме проблем авторства и материальности, цифровая среда предъявляет новые требования к определению границ правовой охраны. Распространение digital art нередко происходит на платформах, где пользовательские соглашения устанавливают собственные правила владения и передачи контента. Это усиливает зависимость правового режима произведения от инфраструктуры, на которой оно размещено. В некоторых случаях платформа может фактически ограничивать или расширять объём прав пользователя, создавая параллельную нормативность, не совпадающую с государственными правовыми нормами.

Платформенная специфика становится ключевым фактором в определении масштаба правомочий, поскольку именно она задаёт технические пределы использования цифрового объекта. Наличие или отсутствие возможности скачивания, экспорта, передачи третьим лицам или включения произведения в сторонние сервисы формирует фактический режим владения, который не совпадает с юридическими категориями. В этом проявляется структурное отличие digital art от традиционных произведений, чья правовая судьба не зависит от функционала конкретной среды.

Дискуссия о цифровом авторстве особенно обострилась с распространением алгоритмических систем генерации контента. Формально большинство правовых режимов по-прежнему требуют наличия человеческого творческого вклада. Однако на практике возникает значительный диапазон ситуаций, когда итоговый результат формируется на стыке нескольких уровней: намерений автора, вычислительных процедур, технических ограничений и обучающих массивов данных. Сложность здесь заключается не только в распределении долей участия, но и в определении момента возникновения объекта авторского права. В традиционной модели произведение «возникает» при фактическом воплощении замысла. В цифровой среде воплощение осуществляется многократно, а итоговые визуальные формы могут отличаться даже при использовании идентичного алгоритма.

Ситуация осложняется и тем, что часть цифровых произведений существует в режимах, исключающих фиксированность результата: интерактивные объекты, произведения, изменяемые в реальном времени, визуализации потоков данных. Для таких форм правовой подход, рассчитанный на неизменность произведения, ока-

зывается непригодным. Возникает вопрос о том, какое состояние объекта подлежит охране — базовая структура, код, набор параметров или каждый вариант визуализации. От ответа на этот вопрос зависит возможность включения произведения в оборот: без определения охраняемого результата невозможно определить объект лицензионного договора.

Проблема уникальности цифровых объектов стала особенно заметной с появлением NFT-технологий. Попытка придать цифровому артефакту признак единственности через токенизацию создала механизм, который фактически отделяет экономическую ценность от самого произведения. Правовой режим NFT строится не вокруг характеристики объекта, а вокруг записи в блокчейне. Такая конструкция позволяет формировать оборотоспособность, но не решает вопроса о правах на произведение. Токен не устанавливает никаких исключительных полномочий в отношении содержательной части объекта; он фиксирует лишь последовательность транзакций и принадлежность идентификатора, не совпадающего с самим цифровым файлом. В результате у покупателя может возникнуть уверенность в обладании произведением, хотя юридически он приобретает только маркер, связанный с ним.

Децентрализованный характер цифровой среды порождает иные риски: невозможность полностью контролировать копирование и распространение файлов делает традиционные способы защиты малоприменимыми. Снятие произведения с платформы не гарантирует прекращения его оборота; достаточно сохранить файл локально или внести его в распределённую сеть. Кроме того, даже удаление оригинального размещения не препятствует появлению производных изображений, созданных через переработку или алгоритмическую трансформацию. Разграничение прав в таких случаях требует установления степени участия первоначального произведения, что зачастую затруднено из-за отсутствия метаданных или применения алгоритмов, стирающих следы исходной структуры.

Правоприменительная практика сталкивается с ещё одним затруднением — доказательством авторства в условиях изменяемости цифровых процессов. Если произведение постоянно обновляется, изменяется или существует в форме генеративной модели, традиционные способы фиксации (депонирование, нотариальное заверение, передача оригинального носителя) теряют эффективность. Фактическое подтверждение принадлежности кода или датирования его создания возможно, но не даёт полного ответа на вопрос о том, какой именно результат охраняется. Возникает необходимость в моделях фиксации не конечного произведения, а структуры, которая порождает множество вариантов. Такой подход требует пересмотра всей логики авторского права, поскольку в качестве объекта охраны будет рассматриваться не визуальная форма, а механизм генерации.

В контексте цифровой среды важным оказывается вопрос об оборотоспособности произведений. В традиционной модели оборот строился вокруг объекта, имеющего физическую форму и поддающегося контролируемой передаче. В цифровом пространстве оборот осуществляется иначе: единицей обмена становится не файл, а право доступа, определяемое платформой. Ограничение доступа может восприниматься как эквивалент исключительного права, хотя юридически оно таким не является. Возникает особый режим, где экономические операции опираются не на авторское право, а на условия сервиса. Такое смещение делает регулирование фрагментарным: часть правоотношений остаётся в юридическом поле, часть — передаётся операторам цифровых платформ.

Коллизия между авторским правом и платформенными режимами проявляется в том, что юридическая конструкция исключительных прав предполагает устойчивый, независимо существующий объект, тогда как цифровые сервисы оперируют моделями доступа, которые могут полностью изменить смысл владения. Правообладатель может обладать всем комплексом исключительных полномочий, но его возможности фактически оказываются уже, чем у оператора платформы, который контролирует алгоритм выдачи, видимость материала, условия демонстрации и механизм монетизации. В результате возникает ситуация, когда юридическое владение не совпадает с экономическим: рычаги влияния смещаются к субъектам, которые формально не являются участниками авторско-правовых отношений. Такая асимметрия особенно заметна в сегменте digital art, где видимость произведения и его оборот напрямую зависят от алгоритмов рекомендательных систем.

Проблема ответственности в децентрализованных сетях имеет иной характер. Блокчейн-структуры, распределённые хранилища и пиринговые сети формируют среду, в которой отсутствует единый адресат для предъявления требований. Юридическая логика, построенная на идентифицируемом нарушителе и фиксируемом факте противоправного использования, вступает в противоречие с архитектурой систем, где данные распространяются автоматически и сохраняются независимо от воли участников. Попытки переложить ответственность на разра-

ботчиков протоколов сталкиваются с тем, что они не контролируют действия пользователей. Попытки привлечь самих пользователей наталкиваются на техническую невозможность выявить субъектов обработки данных. В результате правоприменение превращается в точечные действия против отдельных площадок, которые лишь частично влияют на оборот произведений и редко ведут к реальному прекращению нарушения.

Особого внимания требуют производные цифровые объекты. Традиционный критерий оригинальности, применяемый в авторском праве, плохо работает в среде, где границы между исходным и переработанным материалом размываются. Алгоритмическая трансформация способна создавать результаты, которые сохраняют структурные связи с исходным произведением, но визуально не выглядят его продолжением. Напротив, незначительная модификация может восприниматься как новая творческая форма, хотя юридически остаётся зависимым произведением. Неопределённость усиливается, когда в переработку вовлечены нейросетевые модели, обученные на обширных массивах изображений: установить роль конкретного источника становится практически невозможно. Для некоторых юрисдикций уже встаёт вопрос о том, нужно ли сохранять классическое понимание производности или требуются новые критерии, основанные на степени алгоритмической зависимости.

Цифровые объекты также демонстрируют нестабильность в части принадлежности. Пользователь, создавший изображение посредством генеративной модели, может не иметь авторских прав, если вклад системы считается доминирующим. Компания-разработчик может претендовать на часть прав, но при этом не участвует в творческом процессе. Платформа генерирует файл, но передаёт доступ по пользовательской лицензии, оставляя себе возможность удалить контент. В такой трёхсторонней связке трудно определить, кто является правообладателем и кому принадлежит объект оборота. Это приводит к неоднозначности при заключении лицензионных договоров и снижает предсказуемость правового режима.

Вопрос фиксации цифровых произведений становится центральным для любой модели регулирования. Если объект постоянно изменяется — будь то интерактивная визуализация, генеративный арт или параметрически управляемая структура, — юридическое закрепление одного состояния не отражает всей природы произведения. Варианты фиксации «механизма» (кода, набора параметров, архитектуры модели) выглядят логичными, но поднимают новый пласт вопросов: может ли механизм считаться самостоятельным произведением? следует ли охранять все результаты, которые он генерирует? не превращает ли охрана механизма авторское право в разновидность патентной модели? Эти вопросы показывают, что классическая юридическая система формировалась для иной медийной среды и плохо справляется с объектами, где форма неразрывна от процесса.

Наконец, стоит учитывать, что цифровые произведения существуют в условиях высокой скорости обращения. Оборотоспособность определяется не только лицензиями, но и самим устройством платформ: возможность репоста, копирования, экспорта, встраивания в сторонние среды фактически создаёт параллельный оборот, который не контролируется правом. Сеть живёт быстрее юридических процедур: пока фиксируется нарушение, объект уже изменён, распространён или преобразован. Это приводит к постепенному смещению акцента с контроля на управление рисками — авторы и правообладатели вынуждены выбирать, какие проявления нарушения критичны, а какие лучше игнорировать, чтобы не тратить ресурсы на бесперспективные процедуры.

Завершая блок, можно выделить ключевой вектор: цифровая среда постепенно размывает традиционные границы авторско-правовых категорий. Объект, автор, носитель, способ использования, момент создания — все эти элементы приобретают новые формы, которые требуют не косметических правок законодательства, а переосмысления самой логики регулирования. В следующем разделе можно перейти к анализу моделей адаптации права и тех направлений, где уже появляются первые признаки устойчивой доктрины.

Список литературы:

[1] Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2023. 288 с.

[2] Лукашева Е. А. Права человека: учебник. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 512 с.

[3] Рассолов И. М. Информационное право: учебник для магистров. М.: Проспект, 2023. 352 с.

[4] Антопольский А. А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 159–171.

[5] Бондарь Н. С. Информационно-цифровое право в контексте измерений из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 25–42.

[6] Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 9–46.

[7] Грачева М. А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации // Закон. 2023. № 2. С. 123–135.

[8] Жарова А. К. Правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Юрист. 2023. № 3. С. 34–42.

[9] Полякова Т. А. Трансформация системы информационного права в условиях цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 69–79.

[10] Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 122–146.

[11] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

References:

[1] V. Kartashkin. Human rights: international protection in the context of globalization. M.: Norma, 2023. 288 pp.

[2] Lukasheva E. A. Human rights: textbook. 3rd ed. M.: Norma, 2023. 512 s.

[3] Brine I. M. Information law: textbook for masters. M.: Prospect, 2023. 352 pp.

[4] Antopolsky A. A. Human Rights and the Internet: Practice of the European Court of Human Rights//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. S. 159-171.

[5] Bondar N. S. Information and digital law in the context of measurements from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation// Journal of Russian Law. 2023. № 1. S. 25-42.

[6] Varlamova N.V. Digital rights - a new generation of human rights ?//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. S. 9-46.

[7] Gracheva M. A. Protection of personal data in the era of digitalization//Law. 2023. № 2. S. 123-135.

[8] Zharova A.K. Legal protection of intellectual property in the digital age//Lawyer. 2023. № 3. S. 34-42.

[9] Polyakova T. A. Transformation of the information law system in the context of digitalization// State and law. 2023. № 5. S. 69-79.

[10] Talapina E.V. Evolution of human rights in the digital age//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 3. S. 122-146.

[11] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

